

ДРЕВНЕРУССКИЙ НАРОД

ФОЛЬКЛОР И ТРАДИЦИИ ПРАВОСЛАВНЫХ РУСИНОВ ЗАКАРПАТЬЯ

На вопросы "ЗАВТРА" отвечает композитор, пианист, заслуженный деятель искусства РФ Владимир ДОВГАНЬ.

"ЗАВТРА". Владимир Борисович, в нашей беседе хотелось бы погрузиться не только в музыкальную тему, но и в тему этническую, народную. Мы знаем, что на западе Украины, помимо галичан, живёт удивительный народ — русины. У вас есть целый цикл произведений по мотивам русинского фольклора. Почему именно этот край привлёк ваше внимание?

Владимир ДОВГАНЬ. У меня около десятка сочинений (вокальных, хоровых, инструментальных и симфонических) разных лет, навеянных впечатлениями от общения с закарпатскими русинами и от их фольклора. Мой новый вокальный цикл, исполненный на фестивале "Московская осень" Ариной Довгань (народный голос), Марией Кривоной (скрипка) и автором (фортепиано), называется "Кедровая гора". Я использовал народные тексты и частично народные мелодии.

Началось это знакомство, можно сказать, случайно. В 1976 году, после окончания института имени Гнесиных, я с матерью и братом поехал туристом в Мукачево — второй по значению после Ужгорода город Закарпатя, где ещё ни разу не был, поэтому всё казалось интересным. В Мукачевском замке, центре притяжения туристов, мы познакомились с местным жителем, парнем не многим старше меня — Василием. Он жил с семьёй прямо в замке, где тогда располагалось сельскохозяйстве, там Василий был специалистом по моторам и преподавал механику. Пока он ждал нормальной квартиры, ему выделили пару комнат на самом верху замка. Узнав о моём интересе к народной музыке, он воскликнул: "Тогда нам есть о чём поговорить!" Так мы с ним и подружились.

Потом я задумывался о том, что, конечно, это была не такая уж и случайная встреча. Потому что интерес к культурам разных народов во мне с детства воспитал отец, который и сам этим интересовался, собирал историческую и этнографическую литературу. Кроме того, каждый день он читал газеты не только на русском, но и на польском, сербском, хорватском языках, которые пачками лежали в доме. Это была норма, к которой я привык, и сам время от времени проглядывал прессу на разных славянских языках, которые постепенно начинал понимать. Но с русинами отец никак не пересекался, знал только по книжкам, что есть такая этническая группа.

"ЗАВТРА". Показательно, что ваш знакомый из Закарпатья представлял собой тот тип советского человека, который не ограничивается своей личной специализацией, у него был широкий круг интересов, в том числе гуманитарных. Это, к сожалению, уже уходит из нашей жизни.

Владимир ДОВГАНЬ. Василий действительно многим интересовался, обладал отличным слухом и, конечно, любил народную песню. К тому же был очень доброжелателен. Поводом для знакомства стала наша просьба к нему дать напитыва воды — день выдался очень жарким. Он принёс воды и тут же угостил нас грецкими орехами. Разговорились, спросил, откуда мы. Я объяснил, что и как, сказал, что интересуюсь закарпатскими песнями. "О! Тогда вечером приходите!" — пригласил он нас. Мы пришли, Василий накрыл стол у средневековой камина, и начались песни, рассказы. И дружба — на всю жизнь.

"ЗАВТРА". Считаете ли вы русинский отдельным языком? Насколько строго он выдержан в вашем вокальном цикле? Сложно ли его воспроизводить в пении?

Владимир ДОВГАНЬ. Существуют три точки зрения на вопрос, считать ли русинский самостоятельным языком. Первая, самая распространённая, предполагает, что это особый диалект украинского языка. Вторая принимает его за самостоятельный язык, но входящий (как четвёртый) в группу восточнославянских языков. Многие русины придерживаются именно такой точки зрения. Самое парадоксальное и редкое мнение: русинский является западославянским языком, близким к словацкому. Думаю, это ошибочная точка зрения, хотя, действительно, влияние западославянских языков (не только в лексике, но и в некоторых формах) в нём сильное.

Познакомившись с русинским, я воспринял его как диалект, хотя и очень необычный. Но в сербской Боевине меня, например, познакомили с литературой на югославском русинском языке. Это язык русинов, перекравшихся туда более 200 лет назад с территории Закарпатья. Их переселили австрийские власти в качестве некоего буфера на границе. И в этом случае говорить о том, что русинский — это диалект украинского языка, никак нельзя. Он превратился в совершенно самостоятельный язык, не утративший при этом прямой связи с закарпатским. Он очень отличается от украинского и, пожалуй, даже в чём-то ближе к русскому. Конечно, за 200 лет в нём появилось и сербское влияние.

Что касается исполнения вокального цикла, то певце пришлось петь на русинском языке (или диалекте), что довольно сложно, потому что в нём есть достаточно своеобразные звуки. На репетициях, когда я пытался их воспроизвести для исполнителей, мне и самому это было трудно сделать.

Сложность в работе заключалась ещё и в том, что я записывал русинские песни в молодости — в 1970-х–1980-х годах. В те времена для их изучения нужно было ориентироваться на научную литературу, которая предписывала строго подчиняться украинской записи. Пытаясь воспроизвести русинские песни по этой схеме, я невольно украинизировал их.

Уже позже узнал, как писали сами русины. Они во многом использовали старинные русские нормативы записи слов, как у нас в дореволюционный период. Сейчас у нас, допустим, нет буквы "ять". А раньше она была единой для наших народов, но читалась по-разному, в зависимости от местности: по-русски — "е", по-украински — "и", у русинов буква "ять" расшифровывалась как свой своеобразный звук. То есть буква записывалась одинаково, а произносилась по-разному. Кроме того, там, где в украинском языке вместо "о" пишется "и", например, в слове "конь", закарпатские русины использовали букву "о", но над ней ставили маленький знак, напоминающий крышу домика, (то есть так называемый "циркумфлекс").

"ЗАВТРА". Расскажите подробнее о своём русинском цикле. Из каких произведений он состоит?

Владимир ДОВГАНЬ. Этот вокальный цикл — "Кедровая гора" — состоит из шести песен. Отдельные номера цикла выстроены по принципу контраста, использованы разные жанры: есть лирические песни, хороводные, есть одна колядка.

"ЗАВТРА". А песня "Мчись, мой конь!" — это что такое?

Владимир ДОВГАНЬ. Она сделана на интересном материале и связана с любопытным случаем в моей жизни. В 1982 году я отправился в свою последнюю, как оказалось, фольклорную поездку в Закарпатье. Я поехал туда с женой, тоже музыкантом. Конечно, без помощи моего друга Василия здесь не обошлось: он повсюду возил нас, у него везде были знакомые. Как-то мы остановились на ночь в одном маленьком горном селе Воловецкого района — на севере Закарпатья. Хозяйкой дома была ещё довольно молодая женщина около сорока лет. Я её спросил, знает ли она какие-нибудь местные, достаточно редкие песни. И она мне спела любимую лирическую песню своего отца. Фактически это был народный романс.

Я за романсами не охотился, потому что это поздний фольклор, обычно городского происхождения, в них довольно заметны иностранные влияния.

"ЗАВТРА". Можно сказать, мешане смотрели на границу и перерабатывали музыкальный материал?

Владимир ДОВГАНЬ. Да, именно. Например, в России это немецкое, итальянское, польское влияния, а в Закарпатье явно чувствуется венгерское и словацкое заимствования. На подаренных мне в начале 1980-х годов югославскими пластинках с фольклором словаков и русинов Сербской Боевины я нашёл словацкую песню, которая является дальним вариантом той, что спела нам та женщина из Закарпатья. Слова отличались, хотя и были похожими. А вот мелодия песни с пластинки — иная, что очень важно, оно было другого жанра — более игровая. А та, что я слышал живую в горном селе, была лирической или даже трагической песней, очень проникновенной, искренней — и в мелодии, и в словах. Она меня тронула. Я понял, почему её так любил отец нашей хозяйки.

Но напомним, мой интерес к фольклору — композиторский (я не фольклорист-исследователь). Моя задача, вдохновившись народным творчеством, написать новые сочинения, развивающие народные традиции, инструментальные и вокальные. Но городские романсы, в отличие от крестьянских песен, обрабатывать почти невозможно, можно лишь написать самое простое сопровождение. И только недавно, спустя тридцать с лишним лет, мне удалось найти оригинальный (хотя и довольно сложный) необходимый мне вариант обработки. При написании этого вокального цикла, как и других сочинений, я не стремился к фольклоризму и этнографизму, а хотел создать серьёзное, в определённом смысле драматическое, философское произведение на основе фольклора. Тут я не оригинален. Ведь ещё Глинка говорил, что народное творчество — это главный источник вдохновения композиторов. Причём не только из-за красивых мелодических оборотов, а потому что в нём есть и народная мудрость, и народная философия, и огромная сила.

Когда я учился в Институте имени Гнесиных, в нём преподавал Арам Ильич Хачатурян. Он не был моим наставником, только один раз принимал у меня экзамен по композиции. А мой ближайший друг Владимир Пожидаев был его учеником и рассказывал, что Арам Ильич очень серьёзно и требовательно относился к тому, каким музыкальным языком пользуется молодой композитор.

Как-то мой друг показал ему свою музыку, написанную в авангардном стиле на основе додекафонной системы Шёнберга. Хачатурян послушал очень внимательно, вежливо поблагодарил. А потом спросил: "Володя, а кто вы по национальности?" Мой товарищ растерялся: "Как?! Арам Ильич, я русский!". Пожидаев происходил из донских казаков, и это у него, как говорится, на лице было написано. "Да, но по вашей музыке этого не видно, — сказал Арам Ильич. — Тут совершенно ничего русского нет!". И стал постепенно подводить ученика к той мысли, что интерес к авангарду это неплохо, но если вы отказываетесь от языка своего народа, то тем самым ослабляете и обедняете творчество почти на сто процентов. То есть становитесь безродным и бессильным, даже если очень ловко пользуетесь какой-то ультрасовременной техникой. Великие композиторы, как правило, опираются на народные традиции, в том числе и модернисты, например, Барток, Стравинский. И даже в скрипичном концерте — лучшим произведением экспрессиониста-додекафониста Альбана Берга (одного из "отцов" музыкального авангарда) чувствуется какой-то особый аромат вен-

ской музыки, отголоски венского вальса, звучит каринтийская народная мелодия!

А Пожидаев стал одним из самых ярких в своём поколении носителей русских музыкальных традиций, как классических, так и народных. Больше двадцати лет (и до конца своих дней) он возглавлял в Союзе московских композиторов творческую комиссию музыки для русских народных инструментов, создав мощные, масштабные, поистине симфонические произведения для русского народного оркестра, глубокие и проникновенные сочинения на основе русской поэзии и прозы.

"ЗАВТРА". В вашем вокальном цикле есть колядка. Это действительно обработанная аутентичная рождественская песня?

Владимир ДОВГАНЬ. Да. Это очень интересный вид народного творчества. Мне довелось написать небольшую книгу об особенностях работы современных композиторов над колядками. Есть два типа колядок. В первом типе сохранились отголоски древней календарной традиции, в них обычно содержатся новогодние пожелания на будущее. Хотя Новый год у славян первоначально праздновали весной.

"ЗАВТРА". 1 марта по старому стилю...

Владимир ДОВГАНЬ. Да. Потом его перенесли на 1 (14) сентября, согласно византийской традиции. И наконец, Пётр Первый повелел отмечать его в первый день января. Новогодние песни всегда содержали пожелания кому-то. В частности, в колядке, которую я обрабатывал для моего вокального цикла, — это пожелание девушке. То есть, если в дом приходили колядовщики и видели девушку на выданье, то они пели колядку, в которой заключалось инкоgnитное пожелание ей выйти замуж, хотя напрямую ничего об этом в песне не говорилось. Для парня пели совсем другие слова — без прямого пожелания, но с указанием на связь с какими-то высшими стихиями. Такую мужскую колядку спел нам сын той хозяйки из закарпатского села.

"ЗАВТРА". А какой второй тип колядок?

Владимир ДОВГАНЬ. Это настоящие рождественские колядки, как ставляется Рождение Христа. Я таких тоже много записал и часть из них обработал. Но это колядки, можно сказать, общерусские — они и на Украине, и в Закарпатье, и в Белоруссии, и в России очень похожие, в отличие от древних песен, которые хотя и родственны, но больше отличаются между собой.

Есть ещё чисто церковные колядки, которые близки к песнопениям, как псалмы. Но таких очень немного.

"ЗАВТРА". Мы с вами застали — я в меньшей степени, вы в большей — огромный пласт ещё живой культуры, связанной с деревней. Его в наше время в России уже практически нет. Деревенская культура, деревенское сознание исчезли. Люди, живущие сейчас в сельской местности, — носители уже другой культуры. Поэтому было бы интересно услышать от вас рассказ о том, как вы погружались в народное творчество, когда пришёл интерес к нему?

Владимир ДОВГАНЬ. Но прежде сделаю маленькую оговорку. Как ни странно, русские фольклористы до сих пор находят не просто отдельные старые песни, но отпакивают целые пласты фольклора. Меня это поражает. То есть наш фольклор ещё не умер. Один из моих нынешних студентов-композиторов на мой вопрос: знаком ли он с колядками, ответил, что он, живя в Брянске (на окраине города), с десяти лет колядовал на Рождество.

Но вы правы в том, что сейчас происходит стремительное вытеснение из деревни традиционной культуры. Например, я часто общаюсь с деревенскими жителями Ярославской области (у меня старый дом в деревне), и, к сожалению, недавно умер от ковида последний носитель местного фольклора — Николай Кутюмов, мой друг, очень хороший человек.

"ЗАВТРА". За ними уже никого нет?

Владимир ДОВГАНЬ. Нет, он, к сожалению, был там последним хранителем исконной русской культуры. Сознание оставшихся жителей деревень уже имеет отпечаток телевидения — во всяком случае, в музыкальном отношении. То есть для них близки песни не те, что пели их предки, а те, что они слышали по телевизору.

"ЗАВТРА". Поэтому ваш рассказ о настоящем народном колядовании, построенном на традиции, будет ещё и полезен. Расскажите, как это происходило?

Владимир ДОВГАНЬ. Интерес к колядкам у меня был всегда, поэтому я исследовал возможность познакомиться с этим обрядом поближе.

В Институте имени Гнесиных я учился на двух факультетах (на композиторском и на фортепианном). Это было довольно трудно, хотя я всё же получил два красных диплома. И мне в виде исключения разрешили не ехать в фольклорную экспедицию. А так как всё равно я должен был сдавать экзамен на знание фольклора, то пришлось самостоятельно углубиться в эту тему. И тогда я понял, что мои знания о русском народном творчестве ничтожно малы. Я погрузился в изучение народного творчества, к тому же не только русского, но и самых разных народов, и увидел, что это целый огромный мир, который меня с того времени и до сих пор очень увлекает. Я решил сам себе устроить "экспедицию".

Живую познакомиться с колядками получилось, опять же, благодаря моему закарпатскому другу Василию. Он звал меня приехать зимой, потому что люди в закарпатских сёлах не стали бы петь колядки летом, просто отказались бы это делать. У них такое сознание: если колядка, то исполняется только в Рождество!

"ЗАВТРА". Потому что это живая культура. Не приколотая бабочка, а та, что порхает.

Владимир ДОВГАНЬ. В том-то и дело. Поэтому я приехал за колядками к Василию зимой, как полагається. И опять он же придумал, как лучше устроить их запись. "Если ты будешь ходить с магнитофоном, ничего хорошего не будет, — говорил он. — Представь себе: у людей праздник, а ты приходишь и просишь петь для тебя, да ещё и записать их голоса на плёнку. Тебя не поймут. Ничего и не запишешь толком, и праздник испортится. Поэтому ты сам должен колядовать".

В рождественский сочельник мы собрались в доме старшей сестры Василия. Часов в шесть вечера в снях кто-то зашуршал, и тоненький голосок испросил позволения начать. Хозяин дозволил. Мальчики начали колядовать. После начального пения, они, торжественно неся "Вифлеемскую звезду", с пением вошли в дом. Хозяйка угостила их специально испечённым печеньем и яблоками. Вскоре пришла следующая группа детей. И так часа три. Тогда Василий скомандовал: "Пора и нам!"

Василий составил группу колядовщиков во главе с собой: жену взял, свою старшую сестру, ещё несколько человек и меня включил в эту компанию. Так как некоторые колядки из тех, которые пели все, мне были знакомы, то я действительно, по-настоящему колядовал, как полагається, а не изображал, не раскрывал рот, как рыба, а честно пел вместе со всеми. Магнитофончик для записи при этом был в руках у моего друга. Я всё-таки чувак, а Василия там все знали, он был родом из того села.

Шагая по хрустящему свежеевыпавшему снегу, мы двинулись по раскиснувшей дороге на склонах гор села. Со всех сторон были видны разноцветные огоньки, издали слышалось тихое пение рождественских песнопений и колядок. Навстречу нам попадались весёлые ватаги парней и девчат, идущих колядовать.

Подойдя к первому дому, мы, испрошив разрешение, начали колядовать. Вот нас приглашают войти. После пения тропаря Рождества начинается исполнение колядок. Потом Василий просит хозяев спеть что-то специально для меня, поскольку я этим интересуюсь. Всё это записали. В следующем доме он начинал подзабывать хозяев, рассказывая, какую прекрасную песню спели их родные или соседи. Глава семьи восклицает: "А я лучше знаю!" — и поёт. Уже соврекование началось. И так далее, пока, наконец, местные старики не стали петь старые колядки, те, которые уже никто, кроме них, не знает и не исполняет. Кстати говоря, потом я некоторые из песен, которые удалось записать, искал в сборниках, но не нашёл. То есть их даже местные фольклористы-учёные не знали.

"ЗАВТРА". Это удивительно! А какие-нибудь курьёзы с вами случались?

Владимир ДОВГАНЬ. Да, однажды я стал автором мистификации. Правда, речь идёт не о колядках, а об одной лирической песне, напетой другом. Мне очень понравилось начало мелодии, но мелодику припева и дальнейшие слова ему так и не удалось вспомнить. Я решил сделать собственный вариант, слова набрал из строк отдельных закарпатских хороводных песен из сборника. И так правдоподобно получилось: интересный сюжет лирической песни о любви от лица девушки. Получилось так, что она вошла в мой первый закарпатский вокальный цикл (1976 года) и была издана. Спустя 10 лет я с удивлением услышал её в исполнении Закарпатского хора. Мелодия была настоящей, а слова мои. Вот так получилось, что я стал мистификатором, сам того не желая...

"ЗАВТРА". Как закарпатцы-русины в дни вашей экспедиции относились к русским? Спрашиваю, потому что, скажем, в Галиции, во Львове к русским не только сейчас, но и тогда было сложное отношение. На каком языке вы там говорили?

Владимир ДОВГАНЬ. С языком проблемы большой не было — многие люди владели русским. Мукачево, где жил мой друг, был русскоязычным городом. То есть там в основном говорили по-русски, хотя и местным языком, и венгерским тоже пользовались. Здесь проблем не было никаких.

В селе сложнее. Мужчины, особенно те, которые отслужили в армии, конечно, русский знали. Мужчины старшего поколения, учившиеся ещё по старым книгам, могли со мной разговаривать, пользуясь старинной общерусской лексикой. Они догадывались, какие слова я не пойму, и старались избежать их. С женщинами так не получалось, потому что они говорили быстро, и я иногда их не понимал, особенно когда они использовали много словаческих слов, мне совершенно неизвестных.

"ЗАВТРА". У вас был какой-то ключ к пониманию русинского языка?

Владимир ДОВГАНЬ. Была интересная деталь. Когда я познакомился с местным языком, некоторые слова мне показались необычными. Я их не знал и думал, откуда они заимствованы? Потом неожиданно для себя обнаружил их в летописи. Оказывается, это слова древнерусского языка, которые мы забыли. Первый раз я столкнулся с этим, когда возле леса спросил одного местного пожилого жителя: "Грибы есть?" А он мне ответил: "Суть!" И тогда я вдруг понял, что он ответил по-древнерусски, где "суть" означает "есть", только во множественном числе.

Вообще в Закарпатье употребляют довольно много слов, которые ни в украинском, ни в русском не сохранились. Конечно, не стоит думать, что там какой-то островок древнерусского языка. Просто у них что-то не сохранилось из того, что есть у нас, зато целенло то, чего нет больше нигде. Так после знакомства с их диалектом (или языком) мне стало легче читать летописи, многое стало понятнее.

Так что с языком проблем не было, а по поводу плохого отношения к русским в Закарпатье — я однажды был свидетелем такого происшествия. Как-то к моему закарпатскому другу приехала русская тёща из России. Она была очень полная дама, и когда села на сиденье в автобусе, то не очень сильно, но всё же прижала какого-то пылянского местного. Он начал выражать недовольство: "Вот руска мати, расселась тут!" Когда он произнёс "руска мати", все женщины, ехавшие в автобусе, а он был наполнен в основном местными крестьянками, начали кричать: "А ты кто? Не русский?!" И так они его "прорабатывали" минут двадцать-тридцать. В конце концов он вынужден был признать, что и сам "русский, конечно", и вообще любит Брежнева. Только после этого признания они от него наконец отстали.

И ещё интересная история была. Связана она с отцом моего друга — человеком, прямо скажем, не советского воспитания. Звали его Павел, он вырос ещё в Австро-Венгрии, затем служил в румынской армии, куда его насильно забрали в качестве вояки в шестнадцатилетнем возрасте, потом был подданным Чехословакии, затем — хорстистский Венгрии. И потом уже стал советским гражданином. И вот этот человек, много повидавший на своём веку, при мне начал вспоминать своё детство. Литературным русским он не владел и говорил на своём, старинном русинском языке, но я почти всё понимал.

В годы Первой мировой войны он подростком был в услужении у какого-то венгерского пана, который в 1915 году сошёл с ума от страха, что "русские идут". Войска России тогда заняли некоторые карпатские перевалы, ведущие в Закарпатье и далее в Венгрию. Он заперся в доме, никого из семьи не впуская и на каждый стук в дверь в панике спрашивал: "Это русские?" "Нет, — отвечал по-венгерски Павел, — русские далеко. А это я, ваш слуга — Пал". Мальчику очень захотелось узнать, что такие русские. Он слышал, что русины очень похожи на русских, это близкие народы. В итоге ему самому захотелось увидеть русских и понять, насколько они "ужасны". Он узнал, что неподалёку, в каком-то селении, держат пленных русских солдат, и в воскресенье отправился туда.

Зашёл в барак, смотрит: сидят люди, кто-то зашивает одежду, кто-то в карты играет, кто-то читает. Переступив порог, снял шапку, перекрестился, как было принято у закарпатцев: "Слава Иисусу Христу!" Все солдаты повскакивали от неожиданности, услышав

родную речь. Расспросили, откуда Павел, кто он. "Я подкарпатский русин", — отвечает. "А может, ты и молитвы знаешь?" — спрашивают они его. И он прочитал "Отче наш" и "Богородице Дево, радуйся". После этого солдаты в восторге закричали: "Какой его, братцы!" Схватили и начали подбрасывать вверх. Это был общий восторг от того, что во враждебной стране с чужим непонятным говором вдруг появляется малец, знающий родные молитвы и разговаривающий почти на русском языке...

Рассказывал это дед Павел со слезами на глазах. И я так же это воспринял — настолько трогательно было детское воспоминание.

"ЗАВТРА". Удивительно, как этот крохотный эпизод, случившийся где-то в недрах истории XX века, сейчас через вас вдруг транслируется на большую аудиторию.

И вас там принимали как не чукача.

Владимир ДОВГАНЬ. Да, в целом ко мне хорошо относились. Я не помню каких-то косых взглядов. Старики там меня воспринимали как своего. И более того, они меня воспитывали. С чуваком этого делать не станут — поучают обычно своих. Помню, один пожилой человек в горах, разрезая буханку хлеба, купленную в местном магазине, пенял мне: "Для вас, молодых, это просто хлеб. А я ведь такой хлеб в молодости не ел. У нас он плохой был, со всякими примесями и сорняками. Мы о таком даже мечтать не могли. Это золото, а не хлеб! А вы не цените этого, не понимаете..." Вот такого рода со мной беседы проводили. Для меня это было довольно неожиданно. Старики вспоминали, как их отцов австро-венгерские жандармы избивали в кровь на глазах у домохозяев и приговаривали: ещё узнаем, что говорите по-русски, и не такое будет; рассказывали, как венгерские фашисты во время карательных рейдов бросали младенцев в костёр.

И ещё как-то в одном большом селе меня привели на центральную площадь и показали место, где в конце 1940-х бандеровцы зверски замучили здешних учителей и всех, кто работал в советских учреждениях села. "Запомним это, и не забывай этих зверюг!" — воспитывали меня русины. Я этого и не забыл.

"ЗАВТРА". При каких условиях приезжий человек становился для местных русинов своим, что нужно было сделать для того, чтобы быть принятым в ближний круг?

Владимир ДОВГАНЬ. Для меня, например, устроили своего рода проверку. После той ночи, когда мы с Василием колядовали и записывали песни, он пригласил меня в гости к своему отцу. В доме собралась вся большая семья: зятья, сыновья, дочки. И вот старший зять, огромный роста мужик, силач, решил проверить по местным правилам, что я за человек. Он подвёл меня к стене, где висели иконы и ещё какие-то изображения. На одном из них была вышита картина. "Что здесь изображено?" — спрашивает гигант строгим голосом, ничего хорошего не предвещавшим. Я стал подробно объяснять, что здесь показано снятие Спасителя с креста, изображены Иисус Христос и Пресвятая Богородица. И когда дошёл до рассказа об Иосифе Аримафейском, который добился у Пилата разрешения на снятие с креста, старший зять хлопнул меня по плечу, сжал ладонь своей могучей ручищей и стал обнимать. То есть я свой экзамен сдал. Но глава семейства, Павел, маленький старичок, вида, как я едва не морщусь от боли в этих крепких объятиях, крикнул зятю: "Цыть! Оставь человека, ты ж его сейчас задавишь!" Тот тут же повиновался. Это было очень смешно. Потом я узнал, что мой "проверяющий" был старым советским милиционером, участником боёв с бандеровцами, получил в начале 1950-х ранение. Вот этот боевой милиционер меня проверял на церковное знание. И если бы я не знал ответа, на улицу, конечно, он меня не выгнал бы, но репутация моя была бы испорчена навсегда...

"ЗАВТРА". Владимир Борисович, спасибо вам за такой тёплый разговор и интересный рассказ!

Беседовал Андрей ФЕФЕЛОВ

На фото: семья карпатских русинов